18+

Геннадий Мурзин

Страсти людские

Сборник любовных историй

Геннадий Мурзин

Страсти людские. Сборник любовных историй

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Страсти людские. Сборник любовных историй / Г. Мурзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831063-8

Очередная книга Геннадия Ивановича Мурзина «Страсти людские» предназначена для взрослого читателя, ибо автор включил в сборник любовных историй, написанных в разные годы, тексты, в которых не обошлось без пикантностей. Такова реальная жизнь, таковы взаимоотношения между мужчиной и женщиной, где не только охи и вздохи под луной, а и кое-что иное. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-831063-8

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Агрессивная сестричка 8
Унесенное счастье 12
Часть первая 12
Часть вторая 14
Часть третья 18
Часть четвертая 21
Часть пятая 24
Часть шестая 27
Часть седьмая 31
Часть восьмая 35
День сурка 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Страсти людские
Сборник любовных историй
Геннадий Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2016
© Геннадий Мурзин, фотографии, 2016

Редактор Геннадий Мурзин
Корректор Геннадий Мурзин

ISBN 978-5-4483-1063-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предлагая читателю новую книгу, Геннадий Иванович Мурзин, автор, надеется на понимание и благожелательность, на критику, даже жёсткую, но объективную. Сообщайте – gim41@mail.ru.

Любовь не тепличный цветок, а свободное растение, рожденное сырой ночью, рожденное мигом солнечного тепла, поднявшееся из свободного семени, брошенного возле дороги свободным ветром (***Джон Голсуорси***).

*** * ***

Влюбленность начинается с того, что человек обманывает себя, и кончается тем, что он обманывает другого (***Оскар Уайльд***).

*** * ***

У всех влюбленных, как у сумасшедших, кипят мозги: воображенье их всегда сильней холодного рассудка (***Уильям Шекспир***).

*** * ***

Женщины преимущественно относятся к тому отряду эгоистов, которые сами толком не живут и другим не дают (***И. С. Тургенев***).

*** * ***

Любви, так же как поэтического вдохновения, не находят, когда ищут хладнокровно и преднамеренно… Любовь – чувство, созданное богом для всех, – знакомо лишь немногим (***Жорж Санд***).

Агрессивная сестричка

В офисе есть специальная курительная комната. Шеф горазд на новые веяния и поэтому откликнулся тотчас же на призыв яростного притеснения курильщиков (сам, кстати, недавно совсем избавился от этой пагубной привычки). Комната ничего (лучше, чем туалет): стол есть и несколько стульев, в окне даже принудительная вытяжка установлена; средства пожаротушения, само собой.

Однако по непонятной причине (может, внутренний отклик на принуждение?) активный курильщик отнесся довольно-таки прохладно к нововведению, то есть проигнорировал курительную комнату, а продолжал посещения неформальной курилки, то есть кабинет зама шефа, где обычно не продохнуть: дым коромыслом, хоть топор вешай.

Георгий Орлов (или, говоря языком старожилов, просто Гоша) сам не курит, но к слабости других относится терпимо (или, пользуясь современным политическим сленгом, толерантно), а этим сотрудники пользуются напропалую: собираются, злословят по адресу слабой половины человечества, «травят» анекдоты.

Такие регулярные сборища шефу не по нутру: вечно косится, проходя мимо обычно полуотворенной двери кабинета своего зама. Шеф сильно мнителен и ему кажется, что сотрудники судачат о нем и только о нем. Шеф ошибается: Георгий Орлов изначально пресек любые попытки коллег сплетничать за спиной шефа. Негласное правило свято соблюдается… Конечно, лишь на глазах Орлова.

Вот и сегодня, сейчас… Все пять стульев, находящиеся в «курилке», заняты; двое молодых менеджеров, прислонившись к окну, стоят. Пепельница быстро наполняется окурками. У всех хорошее настроение (вчера шеф раскошелился и всем выдал приличные премии), а в таких случаях основная тема разговоров – женщины. Люди подшучивают над новой пассией Дмитрия Леонова, о котором известно всем: отъявленный бабник, местный Казанова, мужик, которому за всю его жизнь ни одна баба не ответила отказом. Во всяком случае, с его слов так получается. Все верят и, на всякий случай, на общих вечеринках остерегаются оставлять своих жен даже на пять минут без присмотра. Дмитрий Леонов, которому уже 52, под два метра ростом, но страшно худой, как говорится, кожа да кости, откровенно некрасив, особенно лицо, испещренное глубокими отметинами его страстных похождений. Вряд ли украшают его большие навыкате глаза, длинный и острый нос (все называют «рубильником»), толстые и отвислые, вечно мокрые губы и редкая шевелюра на яйцевидной голове. К тому же балуется водочкой и вечно, если в кармане заводятся деньги, находится под «турахом».

Несмотря на это, неоспоримый факт: ни один красавец не доверит ему свою жену. Потому что знает: Леонов овладеет обязательно, если, понятно, задастся такой целью.

Семен Марацевич, менеджер по поставкам, а, проще говоря, снабженец, также мужик не промах по бабьей части. Ему и нельзя иначе: почти все время проводит вдали от жены, в командировках, где уже на третий день выглядит как изголодавшийся пес, у которого при виде молодой сучки начинает течь слюна вожделения. Но Семен отдает пальму первенства ему, Леонову, потому что тот – вне конкуренции. Состязаться с ним нет никакого смысла – это понимают все, это понимает и Марацевич.

Семен Марацевич, скосив глаза в сторону Леонова, спрашивает:

– Где ты мог подцепить такую лахудру, а?

Леонов совсем не обижается, что оскорбили его нынешнюю пассию. Он ухмыляется.

– Не слишком красива, – говорит он, – но – хороша в постели.

Менеджер по персоналу Олег Страшко с сомнением качает головой, выпуская изо рта многочисленные кольца сизого дыма.

– Неужто вытерпел и довел дело до постели? – с ехидцей спрашивает он.

– Ну… Нет… Не в постели… На кухонном столе… Между чашек-плошек… Знаете, как это возбуждает?

– Не пробовал… Не знаю, – отвечает Страшко. – Мои предпочтения – традиционный секс.

Леонов спешит с возражениями:

– На столе – не мое изобретение, а предшествующих поколений. Читал Золя? Его герои трахаются везде: в лесу на корневищах, на складе и на мешках с мукой, на уличной скамейке, в подъезде дома, прислонившись к стене, даже в шахте на вагонетке с углем… В том числе, на кухонном столе.

Страшко вяловато возражает:

– То – в романах…

Марацевич возвращается к теме, которая, видимо, в этой истории его больше всего волнует.

– У меня бы на такое чудо… Бррр… Ночью приснится – родимчик хватит.

Леонов, прикуривший только что вторую сигарету и брызгая слюной, хохочет.

– Я – не такой капризный, Семен… Мое правило ты знаешь, – и Леонов процитировал свои четыре строчки.

Всяку дрянь —
На х…й пяль,
А Бог увидит —
Хорошу кинет.

Сторонников подобной философии среди присутствующих нет. Повисает тишина. Через пару минут в разговор вступает Георгий Орлов, который все это время что-то писал, не обращая особого внимания на мужицкий трёп.

– Хотите, парни, я свою историю расскажу?

– В тему? – хохоча, интересуется Дмитрий Леонов.

– Не иначе… История давняя, поэтому имею право поделиться. К тому же фамилии изменю… Так что… Ну, вот… Мне было всего семнадцать…

Леонов вставляет:

– Для мужчины – немало… Самое то.

– Сударь, не перебивай, а иначе…

– Молчу-молчу…

– Мне было, повторяю, семнадцать… Сексуального опыта никакого… Когда это случилось, то я сильно-сильно напугался…

Дмитрий Леонов все-таки от вопроса не удержался:

– А что такое могло случиться?

– Снова?

– Извини.

– То-то же!.. А случилось вот что. Я тогда жил в общежитии. В комнате – четверо было. На момент описываемой истории двое уехали в отпуск, а третий попал в больницу на две недели. Остался, короче, один-одинёшенек. Как-то раз пошел попроведать больного соседа по комнате. Прихожу в приемный покой. Спустился ко мне больной. Сидим и разговариваем. И тут своим боковым зрением замечаю, что неподалеку вертится девчонка в белом коротеньком халатике: очевидно, медсестра. Совершенно очевидно, что мы являемся объектами её наблюдения. Это меня удивило. Что ей надо от нас? И кто конкретно ей нужен – больной или я? Медсестра была метрах в десяти от нас, а у меня, как все знают, близорукость, поэтому хорошо девчонку не разглядел. Единственное, что разглядел, – фигуру. Мне показалась фигура

приличной. Впрочем, что разглядишь под халатом? Я отвел взгляд. Подумал: неприлично так откровенно разглядывать… Скромником был… Это по жизни мешало… До сих пор не смог избавиться… Впрочем, речь не об этом…

Георгий, помолчав несколько секунд, продолжил рассказ:

– На другой день сижу вечером в комнате, читаю какую-то книгу, лежа на кровати. Слышу стук в дверь. Приподнявшись, говорю: «Да-да, входите». Открывается дверь и кого, думаете, вижу на пороге?

Откликается на вопрос Марацевич:

– Наверное, медсестру, которая стреляла глазёнками.

– Точно! Именно она… Нарисовалась собственной персоной. Я смутился. Вскочил с постели. Сел у стола на табурет (стульев тогда не было, потому что не полагалось). Говорю вежливо: «Проходите. Присаживайтесь». Девушка, не церемонясь, прошла и присела также у стола. И тут-то я сумел хорошо разглядеть. Меня поразило ее лицо. Да, я и сам далеко не красавец, но тут… Такие лица мы называли шаньгой, потому что круглое, рыхлое и к тому же всё в угрях. На голове – редкие русые волосёнки. Уши поразительно большие и оттопыренные. Нос большой, точно сплюснутая картофелина. Кожа на лице желтая и грубая, похожая на пергамент. Плюс маленькие щелки-глазки, над которыми нависли мешки-брови. Короче, Квазимодо в женском обличии. Сильно расстроился, ясно. Потому что такой шанс выпал, чтобы с девчонкой легко познакомиться (трудно мне это давалось) и на тебе – уродина, каких мало. После долгой паузы она спросила, кивнув в сторону кроватей: «Где они?» Ответил не слишком-то дружелюбно: «Двое в отпуске, третий, сами знаете…» Девушка кивнула и сказала, объяснив причину своего появления: «Юрке лезвии для бритья нужны… Попросил, чтобы зашла и взяла… Сказал, что лезвии в его тумбочке». Я кивком указал на одну из тумбочек: «Бери». Девчонка встала, и я заметил, что ножки у нее ничего… стройные. А до этого, кстати, обратил внимание, что из-под кофточки нахально выпирают небольшие и аккуратные груди… Ну, вот… Она наклонилась и стала шариться в тумбочке. Я опять же боковым зрением заметил: задница также хороша. К сожалению, груди, задница и ножки не могли сгладить впечатление от уродливого лица… Я сидел мрачный и мало говорил. Она вернулась и села не за стол, а на мою кровать, то есть рядом со мной. Такое нахальство совсем испортило мое настроение. Девчонка видела, что я не в восторге от нее, что совсем не горю желанием сблизиться. Однако, судя по всему, это ее не слишком огорчало. Минуты через две нашего молчания она обхватила меня за шею, повалила на кровать и стала жадно целовать в губы. Целовала профессионально. Впрочем, тогда не знал, что значит «целоваться профессионально». Тогда знал лишь, что мне очень и очень приятно. Сопротивлялся. Но девчонка оказалась удивительно сильной и ловкой. Ей удалось быстро справиться с моими штанами. Это, впрочем, и не удивительно: на мне в тот момент были сатиновые шаровары на резинке. Добралась и до трусов. Стянув их до колен, взялась за восставшую плоть. Я не хотел, но такое неожиданно бурное нападение и молодость сделали свое дело… Плохо сопротивлялся. Потому что был напуган стремительным натиском, которого не встречал раньше и не знал, что такое женское насилие может быть вообще… Девчонка же времени не теряла даром. Каким-то непостижимым для меня образом она сумела незаметно сбросить свои трусики и оказалась на мне. Она все делала молча. Она слегка приподняла задницу от моей промежности, наклонилась, рукой взяла мой «инструмент», который набух невероятно, что также для меня оказалось удивительным, и попыталась ввести в себя. Еще секунда и… Было бы поздно. Сейчас-то я знаю, что после я бы уже не смог сопротивляться. Это было последней каплей моего терпения. На агрессию ответил грубостью. Собрав все силы, скинул девчонку на пол. Встал. Натянул трусы и шаровары. Проходя мимо настенного зеркала, заметил, что бледен и руки трясутся. В горле пересохло. Я был напуган. Такого со мной не было – ни до, ни после. Подошел к двери, широко открыл ее. Грубо сказал: «Выметайся!» Девчонка смотрела на меня удивленно. Она, видимо, не могла понять, как парень может отка-

заться от того, что является вечным желанием мужчины? Она спросила: «Ты – голубой?» Я повторил с прежней решимостью (слава Богу, плоть быстро пришла в обычное состояние): «Выметайся! И быстро-быстро!» Девчонка хмыкнула, криво усмехнулась, встала, поправила подол платья и пошла к выходу. Я поднял валявшиеся на полу её трусики и швырнул в след: «Забери своё дерьмо!» Она подняла, положила в сумочку и вышла. Я за ней закрыл дверь, но теперь на замок… Только через пару часов пришел в себя. И все!

Дмитрий Леонов огорченно заметил:

– Ну и дурак… Эх, я бы…

Семен Марацевич после небольшой паузы спросил:

– И больше не встречался с медсестрой?

– Почти… Хуже того, после той истории до сих пор боюсь медичек, как огня… Признаюсь: сексуальные контакты были, но медичек всегда обходил стороной. До того был напуган агрессией, что осталось рубцом на всю жизнь.

Дмитрий Леонов еще раз повторил свое коронное четверостишие, после чего добавил:

– Жизнь так коротка, а наслаждений так мало, что отказываться от последнего, что дал нам Господь, – великое преступление.

– Кстати, парни, – заметил Георгий Орлов, – примерно лет так через пять случайно встретил ту девчонку в магазине. Знаете, я ее с трудом узнал. Это была хоть и не писаная красавица, но очень и очень милая молодая женщина. Потом, поинтересовавшись, узнал причину столь удивительного превращения «гадкого утенка». Оказывается, она вышла замуж за очень приличного парня, родила ребенка и… буквально расцвела.

Дмитрий Леонов встал, потянулся.

– Еще одно доказательство, Гош, что моя философия на сто процентов верна. Потому что не бывает некрасивых женщин. Бывают неумелые и ленивые мужчины с глупыми предрассудками.

Мне показалось, что с ним согласились все, разумеется, кроме Орлова.

Унесенное счастье

Часть первая

Осень. За окнами с самого раннего утра сеет и сеет дождичек. По серому небу спешат на юг, сменяя одна другую, тяжелые, напоенные влагой, тучи. Порывы холодного ветра подхватывают дождливую сетку и с завидной регулярностью ударяют по стеклу.

Грустно и тоскливо на душе у Виктора. В груди – ноющая боль и свинцовая тяжесть. В квартире – полумрак, несмотря на полдень, и царящее одиночество.

Уже больше двадцати лет назад Виктор разбежался со второй женой. Поначалу, вроде бы, все между ними ладилось, царил мир. А потом… Начались мелкие стычки, постепенно перерастающие в бои местного значения. Нет-нет, Виктор до рукоприкладства не опускался, но все равно шуму было много. Жена, которую в первые месяцы он называл Ларочкой, зло сыпала упреками.

– Не любишь меня! – истерично выкрикивала она. – Внимания – никакого! Уткнешься в свои бумаги и никого не замечаешь! А я – человек! Мне – тепло надобно! Ласки хочу! – и чаще всего заканчивала угрозой. – Уйду!

Бывало, что держала слово и уходила. Виктор не удерживал Ларочку, не просил, чтобы та одумалась; не валялся в горячих раскаяниях у нее в ногах; не обещал, что изменится, что Ларочка вновь станет для него единственной и неповторимой. Он провожал жену холодным взглядом, не проронив ни слова.

Переночевав пару ночей у подружки, Ларочка возвращалась. В постели она мирилась и наступала столь желанная для них передышка.

Однако через неделю – все снова да ладом: Ларочка заводила старую песню о главном, про любовь, которой между ними нет. Чтобы вырвать из Виктора хоть что-то, отдаленно напоминающее признание в любви, прибегала к запрещенному способу: доведя мужа до пика сексуального экстаза, когда он выл от получаемого наслаждения, Ларочка, обдавая жарким дыханием, ворковала в ухо:

– Милый, ты любишь меня? Ну, скажи, что любишь! Ну, что тебе стоит, а?

Виктор держался железно даже в столь непростой ситуации.

В конце концов, Виктору все настолько надоело, что он решил порвать, порвать навсегда с Ларочкой, рассудив, что без любви нет и не может быть по-настоящему счастливой семейной жизни. Ларочка долго плакала, но ничего поделать не могла.

И они расстались. К удивлению знакомых и близких, расстались без шумного скандала, почти мирно. Потом Ларочка будет предпринимать новые попытки сблизиться, но безуспешно: черепки склеить оказалось невозможно.

Двадцать два года Виктор живет бобылём, тщательно оберегая обретенную свободу и независимость от посягательств ретивых особ. Он легко уходит от любых обязательств, которые женщины пробуют разными ухищрениями ему навязать.

Впрочем, нет. Года через полтора после второго развода Виктору показалось, что влюблен в женщину младше его на шестнадцать лет. Свежа, юна, умна, энергична, словом, все при ней. Виктор расслабился и оказался в сетях, как глупый и жирный карась. Их отношения зашли далеко, очень-очень далеко. Он хотел убедить себя, что наконец-то его холодное сердце растаяло, освободилось от наледи и в нем поселилась она – жгучая брюнетка с густыми и длинными (по пояс) волосами, с высоким лбом и большими круглыми глазами, ошпаривающими Виктора жарким блеском.

Было, правда, одно «но», о котором Виктор прекрасно знал, – ее замужество, в котором был не только толстячок-муж, которого жена в глаза называла «ленивцем», но и нажитый совместными усилиями белобрысый сынуля.

В пылу страстей любовных Виктор предложил Томусику (так он ее называл) свою мужественную руку и полыхающее огнем любви сердце. Все указывало на то, что Виктор наконец-таки нарушит «обет безбрачия».

Однако молодая женщина, не долго думая, не ломая красивой головки, окатила Виктора ушатом холодной воды, отрезвив опьяненного любовью дружка.

Томусик процитировала (видимо, давно была к этому готова) строчки поэта:

– Я другому отдана
И буду век ему верна!

Виктор ошарашено смотрел на лежащую в его постели все еще разгоряченную недавним занятием красавицу и соображал.

Оглушенность прошла. Он встал, надел плавки, брюки, рубашку и ушел на кухню, чтобы приготовить традиционный черный кофе со сливками и подать даме в постель. Он – джентльмен, и чтобы ни происходило, но не след терять лица. Томусик эту финальную процедуру обожает. Причина – на поверхности: от «ленивца-мужа» того же ей никогда не дождаться.

Виктор удивлялся тому, насколько быстро он осознал реальность. Более того, на женщину не таил зла. А, спустя год, даже радовался, что так все получилось: понял, что долго и счастливо они бы не прожили; там им владела лишь сексуальная страсть к телу, а не любовь. И Томусик искала в нем того же, то есть того, что не имела и не могла иметь в семье.

Виктор подошел к окну и стал смотреть с высоты пятнадцатого этажа на верхушку ближайшего разлапистого клена и на начавшие жухнуть листья. По лицу, тронутому временем, блуждает саркастическая ухмылка. Странные, по его мнению, женщины; понять их логику невозможно. Взять хотя бы те строки поэта. Зачем она их процитировала? О чем тогда думала? Как можно говорить о верности мужу, если лежала и лежит, еще не остыв, в постели с любовником? Для красного словца? Или для того, чтобы выдать желаемое за действительное? Вот и верь после этого женщинам, чьи слова на самом деле не значат ровным счетом ничего.

«Обет безбрачия» так и не был нарушен. Сердце Виктора осталось свободным от любви. Боюсь, таковым теперь уж и останется навсегда. Жизнь неумолимо движется к закату и чем дальше, тем несбыточнее становится мечта найти ту, его вторую половинку, если, конечно, она существует во Вселенной.

Постойте! А так уж ли свободно сердце Виктора? Не потому ли не может обрести покой, что сердце остается кем-то занято? Сердце несвободно, а потому и отторгает всякую новую женщину, заслоняясь от нынешнего, обороняя прошлое?

Виктор знает ответы на вопросы, но делиться с кем-либо не горит желанием. Он тщательно хранит тайну, принадлежащую ему по праву. Он ни слова не обронил, живя со второй женой. Может, это и правильно. Есть вещи, о которых лучше не знать, – ни жене, ни друзьям.

Виктор живет прошлым, давним-давним прошлым…

Часть вторая

…На строительстве асбестообогатительной фабрики аврал, иначе говоря, штурмовщина. Через два месяца советский народ при полном параде будет отмечать юбилей – 50-ю годовщину Октябрьской революции, соответственно, готовит трудовые подарки.

Одним из таких «подарков» должна стать досрочная сдача в эксплуатацию первой очереди фабрики. Так решила партия, а комсомол, шефствующий над всесоюзной ударной стройкой, тотчас же ответил: «Есть!»

Людей нагнали много – несколько тысяч молодых добровольцев-строителей со всей страны (некоторых ради идеи раньше срока выпустили из ПТУ, не успев дать им нужные знания, привить практические навыки), однако, говоря по чести, толку никакого: темпы возведения объектов, входящих в первую очередь, по-прежнему низки и возникает реальная угроза того, что «подарка» страна Советов не получит. Оконфузиться? Ну, нет! И предпринимаются отчаянные попытки спасти положение. Зачастую в обход КЗоТ, принуждая парней и девчат к сверхурочным. Молодежь тихо ропщет: «Из-за неразберихи – по полдня слоняемся без дела, а вечером оставляют на три-четыре часа».

И к тому же осень, с самого начала зарядившая дождями, мало способствует трудовому энтузиазму. Дороги на стройке превратились в грязное месиво, по которым, утопая по оси, огромные «МАЗы» с большим трудом доставляют бетон, раствор, стеновые панели, блоки и прочий материал. Башенные краны то и дело выходят из строя: влажность настолько велика, что короткие замыкания в электрической части подъемников следуют один за другим. Механические узлы, предназначенные для подачи наверх раствора, то и дело забиваются и штукатурам там, на пронизывающем осеннем ветру приходится часами ждать устранения неполадок.

Словом, полный, как любит выражаться Виктор, бардак. Хотя пропаганда (радио, телевидение, молодежные газеты) без устали трубит о подвигах и свершениях молодых строителей коммунизма.

Виктор Орехов, в самом деле, приехал на стройку добровольно, в отличие от многих других, у которых на руках имелись комсомольские путевки. У Виктора такой путевки не было и быть не могло. Почему? Путевки выдают горкомы и райкомы ВЛКСМ, а он, Виктор, и был одним из ответственных работников аппарата горкома. Первый секретарь не хотел отпускать «безотказную рабочую лошадку, на которую сколько ни нагружай, а она все везет». Виктор же, которому упрямства не занимать, уперся и все тут: поеду, мол, на ударную. И уехал, несмотря на бурные протесты первого секретаря. По сути, сбежал.

«Дезертирство» с последнего места работы не только не помешало ему, а и помогло.

Внимательно выслушав «печальное повествование», объясняющее бегство Виктора, Алексей Булдаков, комсорг ЦК ВЛКСМ (такие должности учреждались на ударных комсомольских стройках временно, поэтому были не избираемыми, а назначаемыми, в данном случае ЦК ВЛКСМ), и не одобрил, и не осудил. Не одобрил, потому что такие парни, как Виктор, могут сбежать с такой же лихостью и отсюда, со стройки, а ему этого не хотелось. Не осудил, потому что пришлась по душе неуступчивость, плавно перетекающая в упрямство. В душе Алексею такие парни нравились и на это у него были свои причины. Во-первых, считал он, упрямый человек – твердый человек, а такой может многое и на него смело можно положиться. Во-вторых, сам-то Алексей был лишен такого достоинства; он хотел и умел прогибаться тогда и там, когда и где этого позволять не стоило бы. Иначе говоря, уважал за то, чем сам не обладал. Редко, но такое случается, когда один человек завидует другому белой завистью по причине слабости собственного характера.

Обладая взрывным характером и неукротимой энергией, не долго думая, а долго думать над принятием решения Булдаков не любил, выносит вердикт: быть Виктору начальником ком-

сомольского штаба всесоюзной ударной стройки. Основной аргумент – опыт аппаратной комсомольской работы и наличие (с чего он взял, ведь час, как знаком?) организаторских способностей.

Виктор зарделся. Потому что решение Булдакова (не стоит скрывать) ему пришлось по душе. Нет, Виктор – не карьерист и по трупам других не шагал и не собирается шагать в будущем, но любит, о чем никому не признается, быть первым.

В данном случае не первый, а второй, поскольку главное действующее лицо в комсомольской иерархии все-таки Алексей Булдаков. Но вторым, для начала, быть также неплохо, считает Виктор.

Виктор, смущаясь, робко попытался возразить, возразить не по сути, а по форме:

– Но… Начальник штаба есть…

– Был – он, будешь – ты, – коротко, но ёмко сказал Булдаков, давая понять, что дискуссии неуместны, что он, Булдаков, не любит обсуждать то, на счет чего уже решение им сформулировано и принято.

И стал Виктор начальником комсомольского штаба всесоюзной стройки, задача которого помогать молодежи и работать ударно, и жить по-коммунистически. Ему не сидится на месте, в штабе. Он бегает по стройке как соболька, высунув язык, с утра до ночи, откликается на любой зов о помощи или поддержке.

Булдаков, глядя на Виктора с высоты своего положения, только хмыкает и неизменно наставляет новичка:

– Ты, братец, не исполнитель, а организатор и не суй свой нос в каждую щель… Не кому, что ли?

Нет, есть кому. Есть у Виктора помощники, но ему так хочется самому побывать в «горячей точке», лично разобраться в ситуации и помочь тотчас же решить проблему, если это возможно.

Сердито наставляя Виктора, Алексей Булдаков все-таки страшно доволен своим первым и главным помощником. Он доволен и собой ничуть не меньше, потому что тогда сделал в отношении Виктора правильный выбор. И ведь такой удачный выбор! Редкое везение. Булдаков удивляется: несмотря на то, что Виктор «сует свой нос в каждую щель», нет оснований для придирок и по части организационных дел: все у парня, как любит выражаться Булдаков, на мази.

Вот и сейчас… Виктор только что вернулся в штаб со второй перегрузки, откуда поступил сигнал по поводу задержек с поставкой бетона, необходимого для бетонирования фундаментов под сепараторы. Вернувшись, поручил помощнице Тамаре, знаменитой своими ржавыми волосами (ржавчина, понятное дело, искусственная, но новомодная: недавно покрасилась), чтобы та немедленно связалась с главным диспетчером завода ЖБИ и выяснила, в чем там дело и когда начнет поступать бетон на вторую перегрузку. А сам вознамерился сбегать в столовую и чуть-чуть «заморить червячка».

Но его телефонный аппарат подал сигнал, как ему показалось, бедствия. Он снял трубку. Позвонил начальник второго участка управления «Спецпромстрой» Савичев с криком о помощи: девчонки, говорит, взбунтовались и грозят забастовкой, причем, совсем не реагируют на увещевания. Забастовка на ударной комсомольской?! Более чем серьезно. Потому что – политика. Тут не до шуток. Промедлишь – незамедлительно нагрянут чекисты, а эти разбираются жестко как с организаторами, так и с теми руководителями, которые допустили в своих коллективах подобное «ЧП».

Начальнику комсомольского штаба – политика совсем ни к чему: Виктор срывается с места и спешит на зов. Корпус обогащения, где «ЧП», в нескольких метрах от штаба – это хорошо. Плохо то, что бунтующие отделочницы находятся на восьмидесятой отметке и Виктору приходится подниматься по многочисленным лестницам: к монтажу лифтов еще не при-

ступили. Запыхался, конечно, но попал на восьмидесятую отметку довольно быстро. И сразу нашел девчонок: по крикам спорщиц. Его встретил Савичев. Кивнув в сторону совсем еще юных девочек, начальник участка сказал с надеждой:

– Может, утихомиришь… Как-никак, а все – комсомолки… Не пристало бастовать… Где сознательность?

Увидев начальника комсомольского штаба, бунтарки вмиг взяли его в оцепление и все разом загалдели пуще прежнего.

– Сколько можно, ну, сколько?! – кричит, перекрывая всех, одна из девчонок.

– Два месяца, как приехали, а нам все еще не могут выдать спецодежду, – вторит другая.

– Посмотри, в чем ходим на работу!? В домашнем! А в кино в чем, хочу знать, идти мне? – кричит третья.

Четвертая тянет в его сторону ладони.

– Гляди-гляди, во что превратились руки? И все почему? Нет рукавиц.

Виктор видит, что от штукатурного раствора, в составе которого немало извести, руки потрескались и кое-где уже появились кровавые язвы. Виктор смотрит на бригадира, молча стоящую чуть в сторонке, – она тоже из молодых и потому брать за глотку начальство, чтобы защитить интересы бригады, не умеет. Девчонка понимает обращенный к ней немой вопрос и зло бросает:

– А что я могу?! Савичеву говорила? Говорила. Докладные писала? Писала. В управлении была? Была. Все обещают и все. Стенка! Мне ее не пробить.

Бригадир отворачивается и худенькие плечи ее начинают вздрагивать: девчонка плачет, чувствуя полную беспомощность. Бригада устремляется к ней, окружает, пытаясь утешить бригадира: кто-то гладит, а кто-то просто прижимается головой.

Наступает тишина. Виктор вопрошающе смотрит на Савичева. Видимо, взгляд красноречив, поэтому начальник участка начинает суетиться, стараясь увести свои глаза в сторону.

– Понимаешь, снабженец… Говорит, что на складе нет… Кто-то там вовремя не сделал заявку на дополнительное количество спецодежды.

Виктор тихо спрашивает:

– Ну и что дальше?

– Не знаю, – Савичев растерянно разводит руками, но потом спохватывается. – Надо день, два девчонкам потерпеть. Есть клятвенное обещание, что курточки, комбинезоны, ботинки, рукавицы вот-вот прибудут.

Бузотёрши, услышав, возвращаются и вновь блокируют Орехова и Савичева.

– Да, ладно! – кричит самая отчаянная. – Брось, начальник, трепаться: слышали и не раз.

Ее поддерживают.

– Корми обещаниями свою жену!

– Не верим!

– Иди, сам смену поработай под сырым сквозняком в одной кофтёнке, а нам хватило.

– У жены-то, поди, ручки беленьки и гладеньки?

– Не будем работать и все тут!

Когда страсти чуть-чуть улеглись, Виктор Орехов обратился к девчонкам с короткой речью, пообещав, что лично займется этой проблемой, одновременно, попросив, не оставлять рабочие места.

– Обещанного три года ждать, да? – язвительно процедила зачинщица.

– К концу рабочей смены у всех будет спецодежда.

– Ну, да! Так и поверили. Не такое начальство и не смогло, а ты…

– Я вам что-то обещал раньше? – спросил девчонок Виктор и те отрицательно замотали головами. – Я давал повод сомневаться? – девчонки вновь дружно отрицательно заки-

вали. – Значит? У вас нет выбора, как только лишь мне поверить. А там поглядим, кто трепач, а кто нет.

Девчонки разошлись и принялись штукатурить фасад корпуса обогащения.

Спускаясь по ступеням вниз, Виктор явственно видел (все еще стояла перед глазами) одна девчонка, которая не проронила ни слова и все время находилась поодаль, облокотившись на перила, смотрела вдаль, думая о чем-то своем. Она не была самой красивой. В бригаде – есть куда красивее. Но почему-то именно эта девушка с карими с поволокой глазами ему особенно запомнилась. Запала, одним словом, в его душу. Да, ему двадцать семь, а ей, скорее всего, не больше восемнадцати. Вспомнив про ее две задорные косички, Виктор снисходительно подумал: «Ребенок еще… Как и другие».

Виктор слово сдержал и бунтарки возвращались со смены с узлами, из которых выглядывали части новенькой спецодежды. Как ему удалось? Ну, это длинная история и к рассказу прямого отношения не имеет. Хотя…

Часть третья

На другой день Виктор (мимоходом) заглянул к старым знакомым, то есть к бузотёршам. Спросив у бригадирши, как обстановка и получив ответ, что все в полном порядке, что девчонки работают с хорошим настроением, ушел. Через три дня вновь побывал. В этот раз бригада штукатурила внутренние помещения все на той же восьмидесятой отметке. Он простоял несколько в стороне, наблюдая за работой, минут десять. Девчонки заметили. Одна из них, кажется, самая отчаянная, перевесившись через ограждение строительных лесов, притворившись удивленной, закричала:

– Глядите, девчата, опять пожаловал наш обожаемый начальничек!

Кто-то откликнулся:

– Зачастил… Неспроста… Уж не влюбился ли?.. Например, в меня.

Ее поддержали дружным заливистым смехом. Виктор, смутившись и покраснев, ушел, не сказав в ответ ни слова. Нет, Виктор, не влюбился, но его тянет что-то в эту бригаду. Что-то или все-таки кто-то? Не молчаливая ли девчонка с косичками и мечтой в глазах?

Прошла неделя. Потом и вторая. У Виктора – прогресс: он знает имя девчонки. От мастера узнал. Мастер, сам недавно закончивший строительный техникум, заметил: Валентина Ёлкина не только самая скромная, а потому и самая молчаливая, но и самая трудолюбивая. Похвала для Виктора оказалась почему-то очень приятной. Виктор, не признаваясь даже себе, хотел поближе познакомиться с Валентиной, но не знал, как это сделать. В минуты отдыха, когда бригада сидела кружком и девчонки трещали, не умолкая, Валя слушала трескотню подружек и даже не смотрела в сторону Виктора, который, будто случайно, оказывался неподалеку.

У Виктора появилась хорошая мысль: а почему бы ему сегодня не поехать домой вместе с той бригадой, на их автобусе (фабрика строилась в двенадцати километрах от города, рабочих каждый день привозили и отвозили домой на автобусах) и по пути не оказаться, будто случайно, рядышком, не заговорить?

Он так и сделал. Валя находилась в середине салона (ей, конечно же, не досталось свободного сидения). Виктор, вошедший последним, с трудом протиснулся к ней. Оказавшись рядом, заговорил. Валя отвечала односложно – да, нет, не знаю. Ее смущало такое внимание Виктора, а того больше смущало то, как зорко следила за их разговором бригада.

И вот автобус остановился у подъезда двенадцатого общежития, называемого девчонками «женским монастырем». Все шумно поспешили наружу, а вместе с ними и Виктор. Перед входом в общежитие Виктор тронул Валентину за руку. Она вопросительно посмотрела на него.

– На одну минуту, – сказал Виктор.

Валя приостановилась, но без всякой охоты (скорее – из простого приличия), то и дело бросая взгляды на подружек, которые одна за другой скрывались за дверями общежития. Виктор спросил:

– Завтрашний вечер, как… свободен?

– Нет.

– Что, опоздал? Идешь на свидание?

Валя грустно усмехнулась.

– Не в том дело… Я с девчонками запланировала большую стирку. Так что…

– А отложить… никак?

– С какой стати?

– Приехала певица… Гелена Великанова… Завтра – во Дворце строителей концерт…

Валя кивнула.

– Знаю. Всей бригадой хотели пойти, но билеты все уже распроданы. Увы…

– А со мной пойдешь? У меня – два билета, восьмой ряд, места – по центру зала.

– Ну… не знаю… Почему меня приглашаешь? Вон, сколько девчат свободных.

– А ты? Не свободна?

– Свободна… вроде бы…

– Так, да или нет?

– Да… Хорошо…

– Тогда – завтра, в семь вечера, жду возле общежития.

Валентина, кивнув, побежала. Виктор поднял глаза. Окна на пятом этаже – настежь и оттуда высовываются любопытствующие мордочки девчонок. Виктор усмехнулся.

– Засекли-таки, мерзавки!

От концерта Валя пришла просто в восторг. Виктор проводил ее до общежития. Было уже половина одиннадцатого, а в одиннадцать двери общежития закрываются, до шести утра. Порядки строгие, потому и называют общежитие «женским монастырем». Конечно, не только из-за того, что двери на ночь запирают, а больше из-за того, что вход в общежитие в любое время суток для парней строго запрещен.

Прощаясь, Виктор пригласил на завтрашнее свидание, предложив сходить в кино, на комедию «Свадьба в Малиновке». Хотел было поцеловать девчонку, но во время одумался: не стоит форсировать события. Одумался и потому еще, что побоялся получить пощечину. Перед такой перспективой хоть кто устоит.

С этого времени встречи стали регулярными. Конечно, могли быть и чаще, но у Виктора возникли проблемы: у начальника комсомольского штаба – режим работы не нормирован, занят под завязку не только днем, а и по вечерам, когда проходят разные молодежные мероприятия, и на многих из них Виктор обязан присутствовать. Если не в качестве организатора, то в роли почетного гостя. Не откажешься, работа у него такая, общественная. Стал брать с собой Валентину. Почему и нет? Она же – комсомолка, передовик производства. Иногда девушка радовалась от совместных посещений. Например, от «голубых огоньков», которые тогда только-только входили в моду, от вечеров отдыха с танцами и веселыми аттракционами. Танцы Валя обожала, Виктор – нет. Потому что Валя замечательно вальсировала, а Виктор – вовсе не умел. Став взрослым, мог бы и научиться, однако нужна была партнерша, а попросить кого-либо о таком одолжении стеснялся. Чаще же Валя сидела в зале и скучающе, постоянно позёвывая (она откровенно демонстрировала Виктору, насколько ей происходящее не интересно), смотрела по сторонам: ей совсем не по душе были молодежные диспуты о смысле жизни, о политике, конференции о том, как плохо живется молодежи Соединенных Штатов, насколько подавляются права и свободы негритянского меньшинства.

Но где ж еще-то встречаться? В кино? Но новые фильмы – раз в неделю. Как быть в остальные дни? Поэтому Валя, превозмогая себя, терпит.

Девчонки из бригады ей завидовали. Где ж таких видных парней на всех наберешься? Начальник комсомольского штаба один, а незамужних девчонок на стройке не меньше двух тысяч.

Виктор знает о Валентине многое. Удалось вытянуть из нее то, что она – из деревни, вблизи провинциального города Талица, где живут ее мать и отец, а также сестренка и братишка; что закончила десятилетку и поступила в ПТУ, хотя мечтала об университете; что дома оставила парня, застенчивого очень, любящего ее, а она, увы, встречалась лишь по необходимости, заметив, – он кандидат в мастера спорта по боксу. Услышав, Виктор в душе загордился: его предпочли и кому? Спортсмену-боксеру! Который и крепче его, и выше ростом, что для девчонок имеет немаловажное значение.

День ото дня Валентина становилась ближе и роднее для Виктора. Наступило время, когда он не мог и дня прожить, чтобы не увидеть. В безвыходных ситуациях позволял себе

использовать и служебное положение в личных целях. О чем речь? О том, что наведывался иногда в общежитие и посещал девушку в комнате. Невиданно и неслыханно, но ему позволялось. Ну, какой комендант станет препятствовать, если начальник комсомольского штаба изволит лично осмотреть, в каких условиях проживают молодые строители, в рабочем ли состоянии душевые, что с мебелью, есть ли специальное помещение для занятий тех, кто посещает школу рабочей молодежи, как оформлен красный уголок и вообще – на должном ли уровне налажена воспитательная работа?

Валентина душевно радовалась каждому его посещению, поила чаем с печеньем или с баранками. Правда, Виктор не мог надолго задерживаться в одной из комнат: воспитатель и комендант могли что-то заподозрить. Но и уходить не хотелось. Где еще-то он увидит Валентину в ее воздушном и коротеньком, выше красивых колен, цветастом ситцевом халатике? Не только уходить, а и глаз невозможно отвести от такой близкой, но недосягаемой прелести.

Виктор еще в вестибюле общежития останавливался возле витрины лучших из лучших, отмечая про себя, что напротив номера комнаты, где проживает его девушка, опять висит красный флажок, означающий, что комната вновь признана самой чистой и опрятной.

Виктор гордится девушкой. Радуется каждой встрече с ней. Ему кажется, что и девушка встречается с ним охотно, если он не ошибается, начинает потихоньку забывать своего боксера. Сила – хорошо, а ум – лучше.

Они ходят в кино, не пропускают ни одного концерта заезжих артистов, гуляют, прижавшись друг к другу, по улицам. Им очень хорошо! Нет, не просто хорошо, а превосходно. Виктору кажется, что Валентина забыла про большую разницу в возрасте. Стимулируют завистливые взгляды и тяжелые вздохи подружек. Нет ничего эффективнее, чем общественное мнение. А оно, в данном случае, на стороне Виктора.

Часть четвертая

Ушла долгая и нудная уральская осень с ее потрясающим непостоянством: с утра – слепит глаза солнце и даже душно; к обеду, откуда ни возьмись, надвинулись тучи, серая мгла надежно заткала небосвод, с севера набежал порывистый ветер, стало холодно да так, что хоть шубу надевай, и посыпал мелкий-мелкий дождичек; проходит несколько часов, мрак рассеивается, небо очищается и уже глядит на землю своей чистой синевой, солнце, клонясь к закату, припекает и это верный признак, что к утру будет сильный заморозок, не успевшую просохнуть грязь скует ледяной панцирь.

Сразу после ноябрьских праздников пришла зима и принялась за местных обитателей не на шутку. Тут тебе сразу мороз под двадцать, снегопады, длящиеся по двое-трое суток к ряду, ветры, сбивающие с ног, и, как следствие, метели, за ночь наметающие огромные сугробы.

Долго на Урале тянется зима, но и она, постепенно отдавая весне одну позицию за другой, уходит с первой капелью. Сходит снег, солнце показывается чаще и чаще, теплеет, проступает на взгорках первая трава, а после майских праздников и обычных в это время кратких похолоданий набухают почки на деревьях, появляются слабенькие изумрудные листочки.

Пробуждается от долгого сна природа, а вместе с нею и продолжают крепнуть чувства между людьми. Кипит в жилах кровь и все время чего-то хочется. Множится жизненный потенциал, энергетики – хоть отбавляй.

На строительстве фабрики снова аврал, точнее – он и не заканчивался. На площадках по-прежнему шумно и суетно. Лозунги, правда, поменяли. Прежде – призывали ознаменовать 50-летие Великого Октября новыми трудовыми свершениями. И что? Юбилей позади, а где ж свершения? Они были, но, как водится, на бумаге, в воображении партийного начальства и верных, готовых служить хоть самому дьяволу, борзописцев.

Пятого ноября на фабрике состоялось закрытое совещание партийно-советского руководства стройки, города и области. Обсуждался один вопрос: что делать с обещанным «подарком»? Имелся в виду пуск первой очереди. Все понимали, что не готовы рапортовать, но желание было так велико, что без особых возражений с чьей-либо стороны (даже заказчик молчал в тряпицу) решили на другой день, вечером провести митинг, потом осуществить пробный пуск первой очереди, продемонстрировав всем гостям, которые съедутся, тот самый обещанный «трудовой подарок» десятитысячного отряда строителей.

Понятие «первой очереди» довольно растяжимо и о его конкретных параметрах мало кто осведомлен, поэтому и был простор. План такой: митинг провести в дробильном корпусе, как наиболее приспособленном для демонстрации «успехов»; к шести вечера подъедут два груженых асбестовой рудой «БелАЗа», опорожнятся в бункеры; последует команда секретаря обкома партии и начальник стройки включит рубильник одной из камнедробильных установок (та, которая больше других готова к демонстративной работе); потом включится один из шести транспортеров, способных двигаться, и по его ленте измельченная руда пойдет в сторону первой перегрузки.

Секретарь обкома партии Яков Рябцев обернулся к управляющему трестом и Евгений Плоткин угодливо вскочил, склонившись в ожидании вопроса.

– На пару минут вас хватит?

– Так точно, Яков Семенович, – по-военному отрапортовал Плоткин. – Оборудование выдержит.

Больше вопросов у присутствующих не было. Впрочем, не совсем так. Перед закрытием закрытого совещания встал со своего места Виктор Орехов, не обращаясь конкретно ни к кому, задал свой вопрос, который, видимо, его сильно волновал.

– Но ведь первая перегрузка не готова к приему рудной массы… Даже стены не до конца смонтированы, а оборудование вообще… И камнедробильные мельницы в первом корпусе подключены по временной схеме… Не прошли положенных испытаний… Первая силовая подстанция также может не потянуть… Может выйти из строя… Что тогда?

Секретарь обкома КПСС Яков Рябцев и управляющий трестом Евгений Плоткин хмуро уставились в сторону начальника комсомольского штаба, потом обменялись между собой многозначительными взглядами, и вопрос Виктора проигнорировали.

Такое пренебрежение Виктора покоробило. Он же дело говорил, по существу… Почему так?..

В коридоре его остановил комсорг ЦК ВЛКСМ Алексей Булдаков.

– Не стоило, да-да, не стоило, – заметив недоумение в глазах Виктора, добавил. – Вопрос большой политики. Там, – он показал пальцем вверх, – принято решение… Тут – большая политика. Значит, не нашего ума дело.

Виктор готов поспорить, но у него сейчас не то настроение.

Шестого ноября, в канун юбилея, митинг рабочих и служащих состоялся и прошел без сучка и задоринки. Схемы подобных мероприятий отработаны до мелочей. Были речи, в том числе представителей рабочего класса, рапортовавших об успехах, было перерезание красной ленточки у входа в камнедробильный корпус, звучал духовой оркестр, торжественное, под прицелом телекамер, включение рубильника, аплодисменты, размахивание разноцветными флажками и крики «ура».

Вечером цвет общества приглашен во Дворец культуры, на торжественное собрание, где конечно же, вновь шумные аплодисменты по поводу «трудового подарка», а потом, для самого узкого круга в ресторане – банкет, где много вина и закусок.

Виктор имел приглашение, но на одно лицо. Валентина, услышав от него новость, спросила:

– Пойдешь?

Девушка спросила так, что Виктору стало ясно: она не хочет, чтобы он пошел. И Виктор не пошел. Он не пошел не только потому, что не хотел оставлять любимую девушку одну, а еще и потому, что (честно говоря, это вторично) не горел желанием еще раз участвовать в дурно пахнущей комедии, слушать лживые речи штатных ораторов. Он никого не осуждал, но самому в этом участвовать? До сыта хватило того, что происходило на стройке.

На другой день, колонны демонстрантов на площади областного центра несли транспарант: «Славные строители пообещали и слово сдержали: есть первая очередь асбестообогатительной фабрики!»

Журналисты еще долго захлебывались от восторга, описывая торжественный момент пуска первой очереди. А ведь все они отлично знали, что никакого пуска на самом-то деле не было, что они стали очевидцами самой обычной советской показухи.

Отвечая на вопросы специального корреспондента «Комсомольской правды» Егора Смехова, Виктор сказал о «пускании пыли в глаза», однако в опубликованном отчете на сей счет не было даже упомянуто. Зато присутствовали в большом числе примеры «безудержного трудового энтузиазма советской молодежи». Читая, Виктор качал головой и недовольно хмыкал: нет, не мужик Егор, не мужик, хотя и слывет в журналистской среде принципиалом; напрасно он, Виктор, разоткровенничался.

Виктор и Валентина этот вечер провели на концерте художественной самодеятельности, а потом посидели в кафе. Им было хорошо вдвоем.

Провожая до общежития, Виктор (он отлично помнит) впервые отважился и поцеловал девушку. Валентина, вовсе не ожидавшая такой прыти, отталкивала, но легонько, кажется, нехотя. От нее Виктор пока ответного поцелуя не дождался.

Потом, до закрытия общежитских дверей, они стояли и смотрели друг на друга. Сверху их посыпал не то дождь, не то снег, не то снежная крупа. Возможно, все сразу. Они не обращали внимания. Они молчали, хотя многое могли сказать друг другу. Они были счастливы.

У Виктора, как у начальника комсомольского штаба, была отдельная квартира. Пытался зазвать в гости, однако Валентина всякий раз находила предлог, чтобы отказаться. Виктор хорошо чувствовал девушку и не настаивал, понимая, что яблоко должно само дозреть и упасть к его ногам. Хотя он и сам готов в любой момент пасть Валентине в ноги. Ему дозревать не надо, потому что уже созрел. Убегая, она весело смеялась и махала ему рукой. Виктор продолжал стоять, ожидая неведомо чего, и смотрел на освещенные окна пятого этажа. Пятое слева окно – ее комната. Он стоит, промокший и продрогший. Вот он видит, как приоткрылась створка окна, оттуда выглядывает его девушка и посылает ему воздушный поцелуй. Настоящий подарок, которого он не ждал.

В эту ночь Виктор долго не мог заснуть. Ворочаясь на кровати, он вспоминал счастливое лицо своей юной девушки, ее застенчивую улыбку и ее воздушный поцелуй. В голове рождались воздушные замки. Мечтая, он думал о будущей счастливой жизни, о детях, которые будут. Будет, по его планам, двое: мальчик и девочка. Мальчик будет походить на него, а девочка – на его любимую Валюшу.

Заснул лишь в третьем часу ночи. Слава Богу, что завтра не надо идти на работу. Впереди – два праздничных дня. Целых два дня. И дни у них расписаны по минутам. Оба уверены, что проведут эти дни вместе, проведут хорошо. Так хорошо, что не заметят, как наступит понедельник – первый день новой трудовой недели. Настанут будни. Но будни для обоих – это тоже праздники, особенно, когда ничто не мешает встречам.

Часть пятая

Первый день лета. Суббота. Короткий рабочий день. Поэтому они вернулись со стройки раньше обычного. Виктор остался возле общежития, а Валентина поднялась к себе, чтобы привести, как она сказала, себя в порядок. Больше часа терпеливо ждал и вот его девушка, ставшая такой близкой, спустилась.

Они решили зайти в ближайшее кафе, чтобы подкрепиться. Пробыли часа полтора. Спешить им некуда: завтра – выходной, а потому сегодня весь вечер принадлежит им и только им.

Выйдя из кафе, медленно шли по бульвару Ильича. Они неспешно и тихо ворковали. О чем? Обо всем. Валя была разговорчивее обычного и охотно делилась семейными секретами, рассказывая, какой у нее отец хороший – добрый и мастеровитый; какая необыкновенная мать – нежная и стряпуха гениальная; до какой степени озорничает братишка, которого все поважают; о школе-десятилетке, в которой пробыла от первого звонка и до последнего; о друзьях и подругах, которых, как сама выразилась, несметное количество.

– Кстати, – Валентина вспомнила и остановилась, – письмо от подружки третьего дня пришло, а я все еще не ответила, – она дернула Виктора за рукав рубашки. – Это все ты… Из-за тебя…

Виктор, широко улыбаясь (а кому не понравится, когда ради него идут на такие жертвы?), легонько притянул девушку к себе, губами прикоснулся к уху.

– Извини, радость моя.

Валя не отстранилась. Наоборот, положила голову на его плечо и так шла. У девушки отличное настроение, а про Виктора и говорить не стоит. Потому что Виктор безмерно счастлив. Ему так легко и радостно, как, наверное, еще никогда в жизни не было.

Бульвар закончился округлым маленьким сквером, затененным почти со всех сторон кустарниками. На небольшой площадке, по окружности – несколько скамеек. Выбрали, ими давно облюбованную: лишь проходя рядом, на ней можно заметить сидящих; слева, справа и сзади – разросшиеся кусты сирени и жимолости. Ничего не скажешь: уютное гнездышко и за обладание им идет конкурентная борьба среди парочек, желающих уединиться, спрятаться от любопытных глаз. Тут уж так: кто поспел, тот и пострел.

Им повезло: гнездышко свободно. Они присели. Над ними свешивались огромные бутоны цветущей сирени, запах которой будоражит чувства. Легкий ветерок приносит и другой запах – дразнящий и терпкий запах цветущей жимолости.

Пока они одни в скверике. Другие скамейки также будут заняты парочками влюбленных, но, очевидно, позднее. Редкие спешащие прохожие, идущие по центральной тропинке, не обращают на них никакого внимания. Влюбленным это нравится.

Влюбленные молчат. Тишина, нарушаемая лишь суетливыми воробьями да груженными машинами и автобусами, проносящимися (за зелеными насаждениями) мимо на большой скорости. Покружившись вначале (видимо, присматривались), опустились напротив несколько пар сизых голубей и стали важно похаживать, очевидно, надеясь на милосердие людское.

– Гуленьки, – чуть слышно произнесла Валентина.

Но голуби все-таки услышали человека. Они остановились, встав в один ряд и глядя на парочку. Виктор вытащил из кармана корочку хлеба, прихваченную в кафе, и стал мелко-мелко крошить. Голуби, воркнув что-то друг другу (похоже, это был обмен мнениями насчет того, стоит или нет принимать подношение), важно, не толкаясь и не суетясь, приблизились и стали клевать крошки.

– Не хамы, – заметила Валентина. Виктор кивнул, понимая, кого она имеет в виду. – Не выхватывают друг у друга, не лезут в драку за обладание хлебной крошкой, а довольствуются тем, что досталось. Почему люди так не могут?

– Люди, Валенька, бывают разные… Как и птицы, – тут с шумом опустился воробей, выхватил из-под голубиного клюва довольно большую крошку, взмахнул крыльями и улетел. Пострадавший от такого нахальства не сделал ничего, чтобы защитить то, что ему по праву принадлежало. – Вот и доказательство…

Валентина промолчала.

Солнце, не слишком жаркое в эту пору, неумолимо клонится к закату. Тени от кустов становятся все длиннее и длиннее, покрывая собой почти весь скверик.

Валентина о чем-то думает. Откинувшись на спинку скамейки, смотрит в небо, где медленно плывут на запад небольшие клочковатые облака.

Виктор также молчит, не мешая девушке. Потом берет за худенькие плечи, прижимает к себе. Она не противится. Ее волосы, слегка естественно вьющиеся на концах, касаются его щеки, щекочут шею.

– Знаешь, – без всяких предисловий говорит она, – был Юрка… – Виктору не надо объяснять, о ком речь, хотя девушка обычно не касается этого предмета. – Проездом… Из Киева летел… С соревнований по боксу… Сказал, что одно из призовых мест – его… – Виктор слушал и не прерывал, давая девушке без помех выговориться. Слушал, а в сердце – дикая ревность к сопернику. Валентина после минутной паузы продолжила. – Объяснилась… Сказала, что между нами все кончено, что у наших отношений нет будущего… Не понял. Заерепенился. Вынудил сказать правду… что полюбила другого, – Виктор по-прежнему молчал, но в голове возникла строка из песни: «Только сердце почему-то сладко таяло в груди». – Умолял не спешить, подумать… Я твердо сказала: нет! Проводила… Расстались… навсегда…

Виктор прикоснулся сухими губами (все-таки нервничал, не зная, что его ждет впереди) к уху и чмокнул. Потом осторожно спросил:

– Ты… сказала «другой»… Кто он?

Девушка посмотрела ему в глаза, по ее лицу пробежала грустная улыбка.

– А ты не догадываешься? Ты все еще не знаешь?

Нет, он догадывался, но боялся в этом признаться себе.

– Спасибо, – тихо произнес Виктор.

– За что?!

– За счастье! – ответил Виктор. Он взял голову девушки, повернул в свою сторону, нежно наклонил и впился губами в ее губы, которые, как оказалось, также были сухими. Девушка не только не сопротивлялась, но даже подалась вперед, чтобы лучше почувствовать соединение.

Это был поцелуй, длиною в вечность. Потом поцелуи следовали один за другим. Виктору хотелось зацеловать на смерть девушку. Когда их разгоряченные губы слегка припухли, решили сделать паузу. Они сидели, тесно прижавшись. Виктор не выпускал девушку из своих цепких объятий. Валентина шепотом призналась:

– Мне очень хорошо… с тобой, милый мой мужичок… Ты – умный… Опытный… Добрый… Ласковый… Тактичный… Терпеливый… Твои руки прикасаются ко мне и во мне начинается дрожь, я слабею… Кажется, еще чуть-чуть и… Девчонки насчет тебя все уши мне прожужжали… Говорят, что нечаянно вытянула выигрышный билет, что упускать из рук никак нельзя. Держать, говорят, – и не пущать… Ой, до чего ж они правы, мои подруженьки! Возле тебя трется столько… И такие… Трудно будет удержать…

Виктор спросил:

– Ревнуешь?

– Еще как!.. Готова своими руками этих паразиток… Всех и в клочья!..

Виктор счастливо рассмеялся.

– Так-таки всех?

– Хочешь посмотреть, да? – она теснее прижалась к парню. – Достанется и тебе.

– Мне-то, Валюша, за что?

– За все, что есть и за все, что может быть. Не вижу, думаешь, как всем девчонкам строишь глазки? А те, идиотки, готовы писать на голяшки. И ведь писают, заразы!

– Но я люблю одну… тебя, родная! Я – верный мужчина, Валюша, очень-очень верный. Мне никто не нужен… Мне нужна ты и только ты.

– Я и развесила уши, думаешь? Считаешь, поверила?

– Если любишь, то придется поверить.

Спустились сумерки. Небосвод усеян звездочками. Потянуло ночной прохладой. Виктор взял со скамейки пиджак и накинул на плечи девушки. Он незаметно взглянул на наручные часы. Они показывали без четверти одиннадцать. В его голове пронеслось: «Неужели?..» Да, его девушка сегодня не спешит в общежитие. Его девушка не забыла, что «монастырские» двери вот-вот наглухо закроют и тогда… Уже до утра… Виктор счастлив, что впереди – вся ночь и весь воскресный день.

И были поцелуи. Один жарче другого.

Горизонт на востоке начал окрашиваться в пурпур, загораясь все ярче и ярче. Ночная мгла стала отступать. О наступлении нового июньского утра первыми возвестили миру птички, подняв невероятный треск и шум в кустах. Ветер начал раскачивать над головами ветки буйно цветущей сирени, воздух, напоенный этим ароматом, бодрил и радовал. Казалось, что не было позади бессонной ночи. Пошли первые автобусы. Зашуршали по асфальту подошвы редких прохожих.

Наступил новый день, обещающий влюбленным новые радости. Их будет много. В этом они не сомневаются.

В девять утра они расстались. Но ненадолго. После обеда встретятся вновь и договорились, что пойдут в кино.

Возле общежития, прощаясь, Валентина чмокнула Виктора в щечку. Впервые, надо сказать.

– И только? – притворившись удивленным, спросил Виктор. – Не густо, нет, не густо.

Валентина звонко рассмеялась.

– Сладкого – по чуть-чуть… А то приторно будет. Да и, – она кивнула на окна общежития, – сколько глаз за нами следят?

Она была права. Несмотря на раннее утро, из окон выглядывали мордочки любопытных особ и каждая из них мечтала оказаться на месте Валентины. Но, считают они, где набраться таких мужчин? Такие на улице не валяются. Не хлам, чтобы разбрасывать.

Часть шестая

Виктору поначалу взгрустнулось: Валентина сказала, что с завтрашнего дня уходит в очередной отпуск. Первое, что пришло на ум, – уедет домой, а там… Не только родители, а и боксер Юрка. Да, порвала… кажется. Но женщины такие непостоянные, в особенности девчонки, у которых ветер гуляет в головах: вчера – одно, сегодня – другое, завтра – третье.

Значит, грозит расставание? Да, всего на пятнадцать дней, однако ему совсем не хочется, даже на сутки, даже на час. Да, Валентина пока не заикается об отъезде, но это ровным счетом ничего не значит: кто знает, какие она думки держит в очаровательной головке? Вот сейчас возьмет и скажет: а я, милый уезжаю. И что? А все! Трагедия, величайшая трагедия в мире. По крайней мере, для него. Он не предсказатель, чтобы видеть наперед свою судьбу. Возьмет и там останется, сойдется с Юркой, помирится. С ним-то знакома с пятого класса, а с Виктором? Меньше года. На чьей стороне преимущество? Вне всяких сомнений, на стороне Юрки.

Виктор глядит на девушку, а в голове бродят все еще нехорошие мысли. Интересно, спрашивает сам себя, любила она Юрку? Почему ни разу о любви к нему не заикнулась? Скрывает от него, Виктора, щадит или?..

Молчит девушка по поводу того, где собирается провести отпуск. Виктору хочется спросить, но не решается. И зачем? Ответ он знает наперед – яснее ясного.

И они прощаются у подъезда общежития. Виктору хочется поцеловать еще раз девушку, возможно, в последний раз, но… Прилюдно, что ли? Под прицелом десятка молодых глаз, уставившихся из окон? Невозможно. Поцелуй – вещь интимная и не предназначен для публичной демонстрации, для чужого взора.

Впрочем, голова Виктора занята сейчас не только этим. В голове вертится один вопрос: «Уедет завтра или послезавтра?» Ему надо выяснить! Он должен выяснить. И Виктор нашелся, как это сделать.

– Завтра, Валюша, как… встречаемся?

Девушка кивнула.

– Если у тебя нет других планов.

– И… во сколько? – Виктор замер, ожидая, что она скажет про утро, когда поезд уходит на Восток, а это будет означать, что предстоит не встреча, а прощание на перроне вокзала.

– Когда любимому будет угодно, – улыбнувшись, ответила Валентина.

За плечами Виктора тотчас же выросли крылья надежды, стало так легко и просто, что захотелось летать.

– А… – он решился на отчаянный шаг. Попытка – не пытка, а спрос – не беда. – У меня, если так, есть идея…

– Хорошая идея или так? – сыронизировала Валентина. – Ну, говори, слушаю.

– Предлагаю отметить это дело…

– Какое «дело»? Ты о чем? – девушка взмахнула челкой, закрывающей часть лба, и озорно посмотрела на Виктора блестящими глазами.

– Ну… начало твоего отпуска.

– А, вот ты о чем… И где предлагаешь, в каком кафе? «Молодежном»?

Виктор отрицательно мотнул головой.

– Не в кафе.

– А тогда где? Может, на бережку? Например, у речки Пышма. Погода, видишь, – она взглядом указала на синеву безоблачного неба, – шепчет. Возьмем палатку на прокат. На всякий случай.

– У меня… на квартире… Момент важный… И надо, чтобы было все торжественно и условия соответствующие.

– В такую погоду и дома?! – изумилась Валентина. Виктор смотрел ей прямо в глаза и ждал ее решения. Выдержав паузу, девушка кивнула. – Будь по-твоему, – и тут же погрозила пальцем, – но без вольностей, понял?

Виктор притворился, что обиделся.

– Неужели я способен, Валюша?

– А кто вас знает, мужиков! – рассмеявшись, убежала в общежитие, откуда только что выходила вахтерша и знаками показывала последним парочкам, что, мол, все, пора курочкам на насесты.

На другой день, за пятнадцать минут до назначенного часа Виктор был возле общежития. Валентина вышла ровно в четыре. На ней было легкое ситцевое платье (красный горошек на белом поле), на шее – косынка из того же ситца, волосы сзади собраны в пучок и повязаны белой лентой, на ногах – модельные туфельки на остром и высоком каблуке, в руках – крохотная сумочка из красной кожи.

И они пошли к нему домой, где Валентина еще не бывала. Дома девушку встретил празднично накрытый стол: по центру – оранжевые тюльпаны (ее любимые) в хрустальной вазе, коньяк «Наполеон», лимоны, шоколадное ассорти «Птичье молоко», рюмки, тарелки, ножи и вилки.

Девушка, окинув квартиру профессиональным взглядом, заметила:

– Уютненько. И прибрано. Даже не верится, что здесь живет старый холостяк.

Виктор состроил обиженное лицо.

– Так-таки уж и старый?

Валентина подошла и чмокнула в щечку.

– Старый-старый, но до такой степени, когда еще хочется любить.

– Ну, это куда ни шло.

Они сидели, пили коньяк, разговаривали обо всем. Точнее – Валентина лишь притрагивалась губками к рюмке, а пил и говорил больше Виктор; Валентина же ограничивалась односложными репликами. Прошел час, другой, третий. Оба ничего не замечали. Они видели и чувствовали только друг друга, а иного мира, кроме их, в тот вечер не существовало. Оба были счастливы. Неловкости, которая ощущалась попервости, – не стало. Валентина озорничала, то и дело взъерошивая и без того непокорную шевелюру Виктора; гладила шершавой ладонью по щекам и губам; клала голову ему на плечо и закрывала свои карие глаза.

Потом, заметив у стенки радиолу «Эстония», попросила:

– Поставь, что-нибудь, а?

Виктор встал и пошел туда. Роясь в стопке виниловых пластинок, спросил:

– Что именно, любимая?

– Любую… душевную… У тебя случайно нет полонеза Огинского?

– «Случайно» есть.

– Да? Ты тоже любишь Огинского?

– Чтобы у меня было, достаточно того, что ты это любишь.

– Откуда знать тебе, что я люблю, а что нет? Я – не говорила…

– Значит, угадал, – ответил Виктор, укладывая на круг пластинку. – Пусть будет экспромт.

Валентина улыбнулась:

– Говоря твоими же словами, наилучший экспромт тот, который заранее подготовлен.

Зазвучали первые аккорды полонеза. Виктор вернулся к столу. Валентина подняла рюмку.

– За прекрасную музыку и за любовь, которую она воспевает.

Валентина выпила до дна и ее дыхание с непривычки перехватило. Виктор был готов и поднес к ее губам ломтик лимона.

– Крепкий, черт!

Звучал полонез, а они целовались. Они целовались, не замечая ничего, и тогда, когда музыка закончилась, а проигрыватель крутился вхолостую. В одну из пауз Валентина спросила:

– Ты на самом деле любишь или притворяешься?

– Молчи, негодница! – воскликнул Виктор и вновь впился в ее губы.

Девушка легонько отстранилась.

– Ты не ответил…

– Я тебе уже столько раз говорил.

– Неважно! Хочу услышать сейчас.

Виктор пропел:

– О любви не говори: о ней все сказано. Сердце, полное любви, молчать обязано.

– Сфальшивил.

– Пою для тебя, любимая, так, как могу. Извини.

Валентина притянула голову Виктора и, заглядывая в глаза, спросила:

– Обиделся, да? Не надо! Твое пение приятнее для меня, чем голос любого народного артиста… Например, Владимира Трошина, – и она, не дожидаясь ответа, сама стала целовать Виктора, целовать в губы, в уши, в глаза.

Виктор не мог не оценить ее первый настоящий поцелуй. И ответил тем же. Турнир начался и длился без конца. Ни одна из сторон не хотела уступить пальмы первенства.

И вот Виктор, пылая страстью, поднял легонькое тельце девушки, продолжая целовать, отнес на кровать, осторожно положил. Он думал, что девушка оттолкнет его, но этого не случилось. Наоборот, обвив руками его шею, она еще крепче прильнула к нему. Закрыв глаза, девушка вздрагивала, юное тело напряглось, под легким ситцевым платьем явственно проступили взбугрившиеся соски. Она тяжело дышала. Виктор развязал на шее косыночку, повесил на изголовье кровати. Стал расстегивать первые пуговички платья. Девушка приняла без сопротивления. Осторожно стал задирать подол, чтобы снять через голову. По-прежнему никакого сопротивления. Наоборот, она помогала. Помогала непроизвольно. Девушка лежит перед ним в белоснежном, чуть прикрывавшем ее юную грудь, бюстгальтере и крохотных столь же белоснежных трусиках. Лежит по-прежнему, прикрыв глаза и тяжело дыша. Подсунув под спину руки, расстегнул бюстгальтер и снял. Взглянув, онемел. Нет, он подозревал, что ее груди хороши, но чтобы до такой степени прекрасны! Они – само совершенство природы. Именно такие, небольшие и аккуратные, остро выдающиеся вперед и чуть-чуть вверх, Виктору нравятся.

– Валюша, как прекрасны! – воскликнул Виктор и стал целовать нежную кожу вокруг сосков, а потом и принялся за соски. Под его ласками груди еще больше затвердели, а соски напружинились.

Виктор ласкал девушку, а та лишь слегка стонала, лежа все также с закрытыми глазами и временами выгибая спину.

Виктор больше не может терпеть. Он стягивает трусики и видит все скрытое до селе великолепие. Валентина хватает Виктора за шею, притягивает и шепчет:

– Возьми, любимый, возьми всю!

И он берет ее. В первый раз, во второй, в третий. Девушка царапается, кусается и тихо стонет. Под утро они заснули, лежа в обнимку.

Первым проснулся Виктор. Приподняв голову, посмотрел на настенные часы: половина двенадцатого. Ему не хотелось будить столь сладко спавшую на его руке девушку. Он лежал и думал о том, что произошло. А произошло то, чего он не мог предположить. И ответственность теперь полностью лежит на нем. Он не молод и обязан был подумать о последствиях, обязан был все выяснить. Теперь же – все позади. Дело сделано. Ничего нельзя исправить.

Легкое похрапывание девушки прекратилось. Виктор скосил в ее сторону глаза. Валентина смотрела на него одним глазом.

– Тебе было хорошо? – спросила она

– Не то слово, любимая! Ты меня вознесла на седьмое небо! И я счастлив настолько, что готов гору своротить, – Виктору хотелось спросить о том же и ее, но промолчал.

– Вставай, ленивец, – девушка стала тормошить Виктора, – посмотри, полдень уже.

Виктор обнял за плечи Валентину и поцеловал.

– Может, продолжим, а?

– Еще чего?! Ну, подъем, любезный! Разохотился!

Встал он. За ним и она. Собрав в кучу постельное белье, прикрывая им свое очарование, понесла в ванную.

– Потом-потом, любимая! – крикнул ей Виктор, услышав, как девушка набирает воду.

– Не потом, а сейчас, – откликнулась оттуда Валентина. – Надо застирать, пока свежее. Люди говорят, что потом не отстирывается.

Приняв душ, девушка вернулась к нему. И они пили горячий и крепкий кофе.

Часть седьмая

Потом было семь дней блаженства. Они упивались друг другом и сходили с ума от каждой минуты, проведенной ими вместе. Виктору показалось, что пора завести серьезный разговор насчет будущего их отношений, что он готов к принятию радикального решения, которое в корне изменит его и, как он надеется, её, Валентины, судьбу; он, Виктор, созрел до того, что готов предложить девушке свои руку и пылающее любовью сердце. Опасается лишь одного: а что, если отвергнет предложение? Что будет тогда? Как тогда ему жить на этом свете? Опасения имеют под собой основания: не молод уже и плюс – разведенный, имеющий уже двоих детей. Она же – юна и ничем не обременена; у нее – все впереди. Он то и дело спрашивает себя: «Готова ли на жертвы ради него? Что он должен делать, если окажется, что нет, не готова набрасывать на молодую шею столь тягостную обузу?»

Временами Виктору казалось, что она ждет от него именно этих решений, замечая в ее полыхающих счастьем глазах немой подстегивающий вопрос: ну, мол, говори; я жду шагов не мужчины уже, а мужа.

Временами же ловил себя на мысли, что она уходит от решительных объяснений, спланировано и потому тщательно избегает заговаривать на темы их общего будущего. Вопрос: почему? Откуда парню знать, какие мысли посещают хорошенькую головку его девушки?

Однажды, прощаясь у подъезда общежития, Валя, выдавив из себя тяжелый вздох, сказала:

– Вот и отпуск прошел, а я так и не навестила родителей, – ревнивое жало больно кольнуло сердце Виктора. Ему почудилось, что сожалеет не о родителях, а о Юрке-боксере, с которым, вернее всего, хотела бы повидаться. После паузы продолжила. – Обидятся, когда узнают, что в отпуске побывала и не нашла нескольких дней, чтобы подъехать. Ладно… Что сделано, то сделано… Через пару месяцев, когда на стройке будет поспокойнее, отпрошусь у бригадира на пару деньков и слетаю. Пять часов на поезде – всего ничего.

Прошло еще дней десять. Градус их отношений по-прежнему высок, буквально зашкаливает.

Вчера они хорошо попрощались, а сегодня должны вновь встретиться и пойти в кино. Виктор уже полчаса крутится возле общежития, поглядывая на наручные часы, стрелки которых неумолимо приближаются к девяти. До кинотеатра «Космос» недалеко, пять минут ходьбы, однако ж ему не хочется все делать впопыхах и залетать в зрительный зал вместе с третьим звонком, а потом долго в полумраке искать места.

Виктор бросает взгляды на окно пятого этажа, откуда поочередно выглядывают мордочки соседок Валентины. Девчонки высунутся и тотчас же исчезнут, будто их кто-то отталкивает от окна. Вопрос: что происходит? Уже девять, а Валентины как не было, так и нет. На последний сеанс опоздали. Но все равно: что помешало Валентине спуститься и сказать ему, что на сегодня культпоход отменяется? Почему глаз не кажет? Что могло случиться?

И тут показалась в окне Оксанка, лучшая подруга еще по ПТУ.

– Витюш, – крикнула она, – свидание отменяется… Валентина не выйдет.

Виктора, как кипятком ошпарили.

– А в чем дело? – также громко, чтобы докричаться до пятого этажа, спросил он. – Позови! Пусть сама выглянет!

– Валентинка – в прачечной!.. У нее – постирушки!.. – Оксанка тотчас же скрылась, чтобы, видимо, избежать дальнейших расспросов.

Вскипел Виктор, но, направляясь домой, порассуждав хорошенько, остыл. Рассудок подсказывал, что последнее время Валентина проводила все свободное время с ним и ей некогда

было заняться личными делами. Вот и подзапустила. Почему не вышла и сама не сказала? Ну, например, из-за того, что за себя не отвечает и, выйдя, не сможет отказать.

Виктор – дома. Ходит из угла в угол, не находя себе места, волнуется. Смотрит на часы: без четверти одиннадцать. Скоро в общежитии – отбой и дежурные (девчонки, живущие в общежитии, поочередно несущие вахту, помогающие вахтерам) вот-вот разбредутся по своим комнатам и тогда – все. Вахтерша (после отбоя) ни за какие коврижки не станет подниматься на пятый этаж, даже, если позвонит сам царь-государь.

Виктор подходит к тумбочке, где стоит телефонный аппарат, набирает номер. Там ответили не сразу, но все-таки подняли трубку.

– Добрый вечер!.. Беспокоит начальник комсомольского штаба стройки… Виктор Орехов… Девушка, не могли бы пригласить из пятьсот двадцать второй Валентину Ёлкину?.. Очень срочно… По делу… Нет, не по личному… Я, что, каждый вечер звоню?.. Надоедаю?.. – в трубке Виктор слышит девичье хихиканье: там прекрасно понимают, что за «неличное дело» у Орехова к Ёлкиной. «Монастырь» не первый месяц обсуждает их отношения. Наступает тишина. Виктор догадывается, что одна из дежурных все-таки ушла звать. Виктор ждет и, наконец, слышит все тот же девичий голос. Он удивлен. – Как это «спит»?.. Понимаю, что «устала на стройке», а потом еще и «большая стирка», но… Извините… Спасибо… Спокойной ночи!

Второй облом и за один вечер. Не слишком ли? Впрочем, Виктор все прекрасно понимает и входит в положение любимой: хозяйственных забот, должно быть, поднакопила. И все из-за него, Виктора. Устала и нуждается в отдыхе. Он – человек и не может требовать, чтобы девушка была рядом с ним непрерывно. Не жена пока. Впрочем, и супругам иногда, считает Виктор, не грех побыть какое-то время вдали друг от друга и отдохнуть. Любовь от разлуки только крепчает.

На другой день ему также не удалось встретиться с Валентиной: на телефонные звонки девчонки отвечают, что «ее нет дома и никто не знает, где она». На третий день тоже самое. И на четвертый, и на пятый. Это уже – серьезно.

В пятницу, чтобы увидеть Валентину, Виктор идет на крайний шаг. Выкроив полчаса свободного времени, идет в корпус обогащения, поднимается на восемьдесят вторую отметку, где бригада Валентины ведет сейчас отделочные работы, находит девчонок, но Валентины среди них нет. Подождал какое-то время, а девушка так и не появилась. Виктор обратил внимание, что девчонки как-то загадочно смотрят на него и, беспрестанно шушукаясь, хихикают. Странно, думает он, очень странно все это. И впервые его посещает мысль: «Уж не специально ли Валентина избегает?» Отмахивается Виктор от такой мысли, как от противно жужжащей мухи. Не может этого быть, считает он, ведь они так друг друга любят. К тому же не сбросишь со счетов то, что он, Виктор, а не кто-то другой, – первый в жизни мужчина, с которым Валентина столь щедро поделилась бесценным своим достоянием.

Виктор уходит, так и не дождавшись Валентины. Он не может часами тут торчать: дел у него выше головы.

Суббота и воскресенье прошли в томительном ожидании, но Валентина, знавшая номер его домашнего телефона, не позвонила. Несколько ночей подряд не может спать. В голову лезут нехорошие мысли. Отгоняет, а те тотчас же и с той же назойливостью возвращаются.

В понедельник, сразу после работы, идет на наглость: приходит в «монастырь», получает у коменданта (в порядке исключения, с учетом общественного положения) разрешение на посещение пятьсот двадцать второй комнаты. Поднявшись на пятый этаж, пройдя почти весь длинный коридор, стучится в дверь. Отвечает (по голосу узнает) Оксанка:

– Что за шутки?! Вламывайся, если пришла…

Его принимают за одну из девчонок, живущих в общежитии. А кто еще-то может быть в этом «женском монастыре»?

Виктор, приоткрыв дверь, переступает порог комнаты. Оксанка оборачивается.

– Это… ты?!

– Как видишь, – с мрачной миной на лице отвечает Виктор и совсем недружелюбно спрашивает, оглядев внимательно комнату. – Где моя любимая?

– Валюшка, что ли?

– А у меня есть другая? – парирует вопросом на вопрос Виктор.

– Кто вас знает мужиков? У вас – на каждом километре и по всему миру.

Виктор поморщился.

– Кончай, Оксанка. Говори: где?!

– В прачечной… за стиркой.

– Стирка? Опять?!

– Не веришь? Иди и сам проверь.

– И пойду! – Виктор направляется к выходу.

– Постой, дурачок… Предупредить надо… Она там не одна… И все – в одних трусиках. Представляешь, что там начнется при виде тебя?

Оксанка вышла, а за ней и Виктор. Они углубились в противоположный конец коридора. Виктор, прислонившись к подоконнику, остался стоять, а Оксанка скрылась за дверью прачечной. Минут пять ее не было. Вышла и сказала:

– Сейчас оденется и выйдет.

Действительно, Валентина вышла в домашнем халатике и с мокрыми волосами. Ее было не узнать: худенькие плечи опущены, осунулась за те дни, что Виктор ее не видел, под глазами – синева: то ли от усталости, то ли от бессонницы, то ли от неведомых Виктору переживаний.

Валентина подошла и грустными глазами уставилась в окно, даже не посмотрев, как следует, на Виктора.

– Что случилось? – тихо спросил Виктор и попытался обнять девушку, прижать к своей груди. Валентина резко отшатнулась.

– Не надо!.. Не прикасайся ко мне!.. – выкрикнула она и по щекам ее потекли слезы.

– Не плачь, любимая… Объясни, в чем дело?

– Была любимая, да не стало! – столь же нервно выкрикнула она.

– Объясни: почему? Что-то я сделал не так, да?

– Так-так-так!.. Даже слишком!..

– Не понимаю, Валюша…

– Что тут понимать, что?! Все ясно: мы не должны встречаться и не будем, понял?

– Нет, не понял, – онемевшими губами пролепетал чуть слышно Виктор. – Хоть что-то ты должна объяснить… Может, встретила другого? Более достойного? Или с Юркой-боксером помирилась?

– Ничего объяснять тебе не собираюсь. Оставь меня. Уйди, говорю, пожалуйста, уйди… Ни смотреть, ни говорить не могу!.. Не приходи сюда больше… Никогда… Забудь о моем существовании…

– Не смогу, любимая, если бы даже очень захотел, – все также тихо и с дрожью в голосе продолжал выдавливать из себя Виктор.

– Ничего, – Валентина уголком халата стала вытирать слезы, – все пройдет и это – тоже. У всякой истории есть начало и должен быть конец. Наша история затянулась и зашла слишком далеко.

– Но… ты… говорила и не раз, что… любишь меня.

– Может, врала… Может, и любила… Но теперь – все в прошлом. Забудь!

– Но это слишком жестоко…

– Но иначе нельзя… Не преследуй меня… Не делай мне еще хуже, – она стремительно повернулась и исчезла в прачечной комнате.

Виктор ушел. А что еще-то ему оставалось делать? Его любили, а теперь, сама девушка сказала, разлюбили.

Всю неделю Виктор пытался встретить Валентину и объясниться. Он думал, что девушка успокоится, придет в себя и сможет толком объяснить, что же все-таки произошло между ними? Не встретил. И только в субботу, когда навстречу ему попалась Оксанка, когда стал расспрашивать, как увидеться с любимой, девушка отрицательно мотнула головой.

– Никак… Валюшка срочно уволилась и сегодня уехала…

– Куда уехала?.. На чем уехала?

– Куда? Не знаю. На чем? Скорее всего, на поезде.

Виктор, взглянув на часы, увидел, что поезд еще не ушел, что он может успеть перехватить любимую на перроне. Он не даст ей уехать. Он будет держать, если потребуется, из последних сил. Поймав такси, ринулся на вокзал. Осмотрел все закоулки вокзала (могла спрятаться от него), обежал несколько раз перрон, даже все вагоны стоявшего на посадке поезда проверил. Валентины нигде не было. Значит? Уехала на автобусе. А про поезд Оксанка сказала специально, чтобы его сбить со следа, чтобы тот потерял время на пустые хлопоты.

Это был последний и решающий удар, не оставивший у Виктора никаких надежд. Любящая девушка никогда так не поступит, не бросит парня, не предупредив, не уедет, по сути, тайком от него. Тут все не как у людей. Тут загадка за загадкой бежит и загадкой погоняет.

Что творилось с Виктором? Об этом знает лишь он сам и больше никто. Со временем рана затянулась, но шрам и заметный остался, боль не ушла совсем. Боль осталась…

Часть восьмая

Эта боль по-прежнему, хотя и минуло почти сорок лет, в его сердце. Да, Виктор продолжал жить и встречаться с женщинами, но равной Валентине, его любимой, больше не встретил и теперь уж точно не встретит. Жизнь ушла, а вместе с ней – надежды. Иллюзий больше нет. И лишь изредка встрепенется его сердце, а после – снова замрет на годы.

…Виктор Орехов, которого время не пощадило, испещрив лицо глубокими морщинами, изрядно проредив волосяной покров на голове и покрыв серебряной пудрой, все еще стоял у окна. А за окном поднимался ветер, неся за собой все более и более усиливающийся дождь. Первые желтые и оранжевые листья этой осени, набухнув от дождя и не способные в силу своей непомерной тяжести легко и непринужденно порхать, плюхаются на землю, образуя из лужиц небольшие разноцветные коврики.

Воспоминания о ней не оставляют Виктора. Как сложилась жизнь? Что с ней стало? Где она?

Виктор, от которого тогда сбежала невеста (так он считал), не сидел сложа руки. Особенно первое время. И предпринимал попытки разыскать. Все тщетно! На его официальные запросы (опять воспользовался служебным положением, потому что так легче и надежнее получить результат) в паспортный стол, откуда родом Валентина, неизменно приходил один и тот же ответ: «Прописанной гражданка Ёлкина Валентина Петровна, 1947 года рождения, на данной территории не значится». Наседал и на оставленных ею подружек, но те утверждали, даже божились, что ничего не знают. Им Виктор не верил, особенно Оксанке: кто-кто, а она-то точно знала и, он уверен, переписывалась.

Женщины невероятно скрытны. Они способны хранить от мужчин тайны и молчать десятками лет, если это не противоречит их личным интересам. Однако ж, берегитесь: когда хранительница тайн оскорблена или унижена и откроет рот, то выложит все, что знает и даже чего не знает, а лишь предполагает. Тут не пощадит даже свою лучшую подругу. Месть взъярившейся женщины коварна, подла и растягивается, как и дружба, на долгие годы. Это про них сказано: от любви до ненависти – всего один шаг. Горе тому мужчине, который не сумел в чем-то угодить любовнице: пощады не дождется во век. Любовница на глазах переродится в злобную фурию и постарается поведать миру все интимные подробности их отношений…

Да и подружки, после окончания строительства асбестообогатительной фабрики, разъехались. И последние капли надежды найти Валентину растворились.

Нет ничего более трудного, чем поиск девушки. Достаточно ей сменить фамилию, выйдя замуж, и все! Концы в воду! Был человек и его не стало. Если бы в паспортных столах сидели люди, обладающие хоть каплей сострадания, то могли бы помочь. Ведь учет граждан, получающих паспорта в результате смены фамилий, ведется и данные хранятся. Но… Надо идти в архивы, рыться в картотеках, возможно, не один час. А зачем? Есть простой способ: не значится прописанным – и все тут!

Не стало надежды найти, но осталась в сердце боль, над которою время не властно.

Виктор сходил на кухню, включил чайник, который тотчас же зашумел, а через несколько секунд отчаянно забурлил. Достал свои обожаемые крохотные чашечку и блюдце, положил растворимый кофе, сахар, залил кипятком.

Виктор вернулся к окну, держа в руках блюдце с чашечкой, наслаждаясь исходящим ароматом. За окном ветер стих и образовалась сплошная стена припустившего с большей силой дождя, за которым с трудом различались силуэты деревьев.

Погода совсем раскапризничалась. Ну, спрашивается, что это за бабье лето?! Солнца нет уже несколько дней, ветер северный и несет стужу, к тому же непрекращающиеся дожди. Того

и гляди, что пойдет снег. Бывает. На Урале снег можно ждать в середине июня, а в начале сентября – как пить дать.

Виктор сделал пару глотков кофе и почувствовал, что внутри потеплело, а следом стал подниматься градус настроения.

Восемь лет прошло. Виктор помнит тот случай. Он (с женой) был на опере «Аида». Это еще до капитальной реконструкции оперного театра, когда его фасад кому-то вздумалось перекрасить из нежно-зеленого в мышиный, иначе говоря, в серый. Есть у нас любители серости, есть!

В первом антракте Виктор вышел в фойе, чтобы поразмять затекшие ноги. И тут перед ним мелькнул знакомый профиль. Он бросился в толпу. Увы! Растворилась. Будто и не было. Померещилось? Ерунда! Он не мог ошибиться. Это ее, до боли родной ему профиль!

По окончании спектакля он ринулся в раздевалку, чтобы в числе первых оказаться на выходе из театра. Там он надеялся увидеть Валентину. Он не знал, что будет делать, если увидит. Но он точно знал, что любой ценой должен увидеть. Но последние театралы покинули стены театра, а ее он не увидел. Рядом стояла жена и беспрестанно дергала за рукав: чего, мол, тут торчим столько времени? Виктор отговаривался, нес какую-то чепуху.

Виктор тяжело вздохнул, вспомнив про видение, допил кофе, сходил на кухню, приготовил новую порцию и вернулся назад. Помешивая в чашечке, Виктор вспомнил и еще один странный случай.

После разлуки с любимой прошло двадцать пять лет. Он идет по длинному и не слишком освещенному коридору издательского центра (какие-то дела привели его сюда, а какие – уже не помнит) и тут (людей много) он встречается с глазами идущей ему навстречу девушки, которой, может, двадцать, а, может, и больше. Виктор моментально вспотел. На лбу и на носу выступила влага. Виктор машинально посторонился, давая девушке пространство для прохода. Он растерялся и с минуту стоял неподвижно. Девушка же, не обратив на него никакого внимания, скрылась за одним из многочисленных поворотов.

Мистификация и не иначе! Это была она, его Валентина! Он вновь встретил ее точно такой, какой она была тогда, двадцать пять лет назад. Ну, положим, не она (он не верит в чудеса, он знает, что вернуться в прошлое невозможно, несмотря на писания фантастов), но полная копия – совершенно точно. Те же округлые карие глаза, та же прическа и те же, слегка вьющиеся на концах, распущенные и спадающие на покатые плечи, русые волосы, тот же чуть покатый лоб и тот же носик-курносик, как он когда-то говорил, наконец, тот же отстраненно-мечтательный взгляд, и, в довершение ко всему, ее, Валентины, походка. Но, вместе с тем, Виктору почудилось, что в прошедшей мимо девушке есть нечто, не присущее его любимой, но до боли ему знакомое. Что именно? Он сказать не может. Все – на уровне ощущений.

Виктору показалось, что девушка, копия Валентины, работает в издательском центре. Во-первых, в руках держала небрежно собранные в папку какие-то бумаги (возможно, оттиски печатной продукции). Во-вторых, была легко одета, лишь в модном джинсовом костюме от фирмы «Lee», плотно облегающем стройную фигуру, а на дворе, знаете ли, зимняя стужа. Значит? Не из пришлых.

Промелькнув, видение исчезло. Будто и не было.

Виктор зачастил в издательский центр. С одной целью: найти ту девушку. Зачем? Не знает, но считает все-таки своим долгом найти. А найти непросто, ой, до чего ж непросто! В лобовую не пойдешь: ну, чем Виктор обоснует свой странный интерес к разыскиваемой? Тем, что она – чья-то копия? Глупость. Сочтут либо за мужика-пройдоху, бегающего за каждой юбкой, либо за ненормального.

В центре работает до тысячи женщин, а он, Виктор, не знает даже фамилии. Единственное, чем располагает, – словесным описанием.

Однако его труды в этот раз не пропали даром. Тихой сапой, но нашел девушку. Подыскав более-менее благовидный предлог, зашел в кабинет, где сидело несколько молодых женщин. Он убедился, что ему тогда не почудилось, что он не ошибся, что за одним из столов сидела именно копия его любимой: она и смеялась, разговаривая с девчонками, точно так же, как и его Валентина, прыская и прикрывая ладонью рот, будто стесняясь чего-то. Стесняться же ей было нечего, как и Валентине. У них были два замечательных ряда небольших и плотно прилегающих друг к другу белоснежных зубов.

Виктор выяснил, что девушку зовут – Ирина Юрьевна, что фамилия ее – Родионова (фамилия мужа), что поженились на четвертом курсе Московского полиграфического, что сюда приехала – по распределению, что работает технологом, что у нее растет двухгодовалый сынишка, которого назвали Виктором. Ну, собственно, и все.

Никто в издательском центре не мог сказать, какую фамилию носила Ирина до замужества, тем более, никто не мог знать, девичью фамилию ее матери и какой профессией в молодости владела.

Нить оборвалась. Что делать? Вызвать Ирину на разговор и выяснить окончательно, кто ее мать? Это можно, но как? Что подумает Ирина? Господи, да это же ясно! Подумает: ну, вот, клеится еще один; сам стар, как трухлявый пень, а зарится на молодую; расспросы же про мать или еще про кого-то – повод, чтобы завязать знакомство; ходы старых бабников никогда не отличались оригинальностью. И что же ждет Виктора? Отошьет после первой же фразы. И в добавление ко всему: не может Виктор полностью раскрыть душу человеку, которого не знает. Кто исключит, что сходство, пусть и столь поразительное, всего лишь случайность, что девушка к его любимой не имеет никакого отношения? Двойники бывают. Даже конкурсы знаменитых двойников проводят.

Виктор снова тяжело вздыхает, глядя в окно: дождь прекратился, но с деревьев все еще падают вниз крупные капли.

Виктор приносит третью чашечку кофе. Не много ли? Сердце-то не так молодо, как прежде… Нельзя так нагружать.

Виктор сейчас понимает, что струсил тогда и зря не довел свое «расследование» до конца. Считает, что был близок к раскрытию одной из тайн и остановился, проявив непростительную слабость, на полпути. С другой стороны, что бы изменилось, если бы он узнал, что Ирина – есть родная дочь Валентины? А ничего! В этом абсолютно уверен Виктор. Прошло двадцать пять лет. У Валентины, как и у него самого, – позади целая жизнь, между прочим, собственная жизнь, в которой каждому из них не нашлось места. Зачем воскрешать то, что давно умерло или реанимировать то, что при смерти? Пусть все остается, считает Виктор, как есть. Поздно и ничего изменить нельзя. Его вины в том нет, что когда-то не сложилось…

Лет пять назад, встречаясь с известным психологом, Виктор рассказал свою историю, открыто не признаваясь, что речь идет о нем самом. Психолог выслушал, ни разу не перебив. А потом спросил:

– История типичная, но почему она тебя так интересует? Что именно хотел бы узнать? На какие вопросы хотел бы услышать ответы?

Виктор стушевался и замялся.

– Ну… знаете ли… Вопрос, собственно, один… – и тут же поправился, – нет два.

– А именно?

– Во-первых, что сделал неправильного герой истории?

– Честно говоря, немало… Это вытекает даже из тобой рассказанного… Точнее мог бы сказать, переговорив лично с героем истории, уточнив кое-что…

– Это – невозможно.

– Почему? – врач вскинул на Виктора глаза.

– История, мною придуманная.

– Вот как? – врач еле заметно усмехнулся. – А мне так не показалось… Ну, ладно… Буду исходить из того, что известно. Главная ошибка героя истории в том, что он несколько поспешил затащить девушку в постель, из чего делаю вывод: девушка, в одночасье став женщиной, превратно поняла цель и мотивы героя. Она подумала или могла, точнее, подумать, что герой, получивший от нее всё, из тех, которые, как говорится, поматросят и бросят… И предприняла упреждающие меры. Убеждает?

– Н-н-нет… нисколько… Это не был акт насилия со стороны героя… Более того, герой не был готов к такому развитию событий…

Психолог громко рассмеялся.

– А кто ее унес в постель? Сама, что ли, упорхала?

– Ну… нет… Но девушка не только не сопротивлялась, а и сама хотела этого.

– Откуда нам знать, чего девушка тогда хотела, а чего нет?.. Идем дальше. Вторая серьезная ошибка героя заключается вот в чем. Для девушки потерять невинность, даже будучи с любимым, – величайшее психофизиологическое событие ее жизни. Чего ждала от парня? Решительности! Она нуждалась в поддержке. Она думала, что герой сейчас же бросится к ее ногам (как в старых романах, которых девушка начиталась) и предложит, как истинный джентльмен, руку и сердце, пылко скажет, что она навеки его и только его, что он готов прожить с ней всю жизнь и умереть в один день.

– Он собирался…

– Слишком долго собирался.

– Девушка его опередила… Он чуть-чуть опоздал.

– «Чуть-чуть» – не считается, – врач рассмеялся. – Опоздание и есть роковая ошибка героя. В любви, как и в делании революций, промедление – смерти подобно. В любви все надо делать вовремя: не раньше, но и не позже.

– Как тут попасть в точку?

– Это и есть искусство любви, залог здоровых брачно-семейных отношений, что встречается, увы, крайне редко. Попробуй угадать ту самую «точку»? Дано очень немногим. Герою истории не дано. Пока он думал и готовился к решительному объяснению, девушка уже приняла решение и оно оказалось другим, неожидаемым для героя…. Впрочем, это всего лишь мое предположение, а оно не может на все сто процентов считаться правильным.

– Скажи (это второй вопрос), почему героиня истории так неожиданно уехала, не объяснив мотивов разрыва, не предупредив, не попрощавшись? Ведь они так сильно любили друг друга. Чувства, если они настоящие, за неделю не проходят.

– Так решила героиня и мотивы известны только ей. Смею предположить, немного зная женскую психологию, героиня могла (из самых добрых побуждений к герою) подумать, что он, герой, имеющий двоих детей, еще может вернуться в прежнюю семью, что она должна помочь в этом непростом решении, порвав с ним навсегда. Боюсь, – врач покачал головой, – неадекватность поведения девушки вызвано тем… Оно могло быть вызвано… беременностью… незапланированной беременностью. А в этих случаях заранее предугадать, на что решится девушка, невозможно.

– Но, – продолжал возражать Виктор, – герой только бы обрадовался… он был бы счастлив…

– Откуда девушке об этом было знать, скажи?

– Они любили и были любимы…

– Зачастую, милейший, рвутся все отношения, несмотря даже на любовь, именно из-за незапланированной беременности. И она, героиня, об этом, судя по всему, начиталась и имела уже определенное мнение.

Виктор не разделил мнений психолога. Он думал и продолжает все еще думать, что причина в другом, более удачливом в любви мужчине, который встал на его пути. Во всяком

случае, любимая ушла и унесла его счастье навсегда. Теперь, спустя почти сорок лет после разлуки, об этом вправе говорить определенно. Виктор – одинок. Нет, не так: не одинок; он проводит остаток жизни наедине с болью, застрявшей, будто остро заточенная заноза, в его сердце.

День сурка

Василий Васильевич Пустовалов, мужчина сорока двух лет и все еще приятной внешности, которую сохранил благодаря двум вещам – отказу от злоупотребления спиртным и воздержанию по части удовлетворения плотских желаний, в особенности – на стороне.

Женщины к нему относятся по-разному: одни – восхищаются домовитостью и преданностью жене, что нынче встретишь не столь уж часто (мало-помалу вымирают динозавры!); другие – завидуют жене (этой, как они выражаются, серой мышке), а потому злобствуют и по углам шушукаются; третьи – пробуют «положить глаз», расставляют везде сети и пытаются в них поймать заманчивую для них дичь, но у них ничего не выходит, удается мужику всякий раз каким-то образом выскользнуть.

Руководство фирмы, как и женщины, также разного мнения о Пустовалове: с одной, стороны, всецело доверяет, поскольку опытный финансист, отличающийся неподкупностью, следовательно, для проведения внезапных проверок лицо совершенно незаменимое; с другой стороны, подозрительно, так как тот чурается веселых застолий, то есть не кампанейский, а про таких обычно говорят, что себе на уме и с ним надо быть начеку.

Тот же гендиректор – настоящий петух: он не только держит возле себя настоящий «гарем» из очаровательных молодых мордашек (всех, всех перетоптал!), но и вечно косит по сторонам, нельзя ли потоптать кого-нибудь еще? Завидит смазливенькую рожицу – сразу влёт! Ничто его не остановит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.